

Лахметкин И.П. Восьмая зенитная

Я отношусь к поколению тех мальчишек, которые знают войну и извне, и изнутри. Они на себе прочувствовали потрясающую картину человеческого горя и вправе сказать свое слово о войне.

Для меня 1418 военных дней и ночей по случайному совпадению разделились на две части.

В первую половину я учился в школе, в том числе и военному делу, готовясь к труду и обороне. Во время школьных каникул вместе со старшими товарищами выполнял работы оборонного характера. Было невероятно трудно, но мы понимали, что это нужно для Победы.

Вторая половина военного лихолетья была отдана исключительно труду ратному в действующей армии. Там было во много раз труднее, но с оружием в руках я защищал свою Родину и ее будущее.

События воскресного дня 22 июня 1941 года перечеркнули все планы. В стране были установлены: всеобщее обязательное обучение граждан страны военному делу; всеобщая обязательная подготовка населения к противовоздушной обороне; обязательное участие трудоспособного городского населения в оборонительных работах; значительно расширилась военная работа в комсомоле.

Отныне школа на долгих два года, вплоть до призыва на военную службу, стала для меня не только центром общеобразовательного процесса. Она стала средоточием объединенных усилий местных органов власти, военного управления, Осоавиахима и комсомола в организации работ оборонного характера со школьниками и по подготовке молодежи к военной службе.

Мы вместе со старшими товарищами, а часто и с военными из стройбатом и инженерно-саперных частей, рыли окопы, траншеи, блиндажи и противотанковые рвы. Строили бомбоубежища, заготавливали лес, формировали плоты и сплавляли их по Хопру до Дона. Ремонтировали понтоны. Дежурили в составе местной ПВО на чердаках и крышах промышленных объектов и зданий городского значения в противопожарных целях. Погрузочно-разгрузочные работы ждя нас были делом постоянным. Мы грузили вагоны и платформы мукой, крупами, шанцевым инструментом, фуражем для кавалерийских частей. На уборку урожая в колхозы нас направляли группами под руководством горкома комсомола. Когда в школе был развернут военный госпиталь, наши девушки дежурили на санитарных постах и входили в состав санитарных дружин.

Все уроки военного дела в школе, количество которых значительно увеличилось, курировал представитель горвоенкомата капитан Киреев. Занятия проводили младшие командиры. Мы изучали общевоинские уставы. До винтика знали устройство, разборку, сборку, чистку и смазку знаменитой «трехлинейки» Мосина и станкового пулемета «Максим». Усвоили устройство и применение противопехотных и противотанковых гранат. Практически отработали строевую подготовку, ружейные приемы (с макетом винтовки), метание ручных гранат. Научились пользоваться противогазом и саперной лопаткой. Не забыли научить нас и таким «мелочам», как наматывать портянки и обмотки; подшивать подворотнички, где хранить иголку с ниткой; как ухаживать за солдатской обувью и одеждой и многому другому. Качество нашей теоретической и практической подготовки контролировал горвоенком в лице полковника Набиулина. Его добрые слова вдохновляли нас.

Все мы сдали экзамен по программам, получили удостоверения и нагрудные знаки ГТО СССР («Готов к труду и обороне СССР»), ГСО («Готов к санитарной обороне») и ПВХО («Противовоздушная и химическая оборона»).

Осоавиахимом, совместно с горвоенкоматом, в школе была хорошо организована работа по подготовке девушек на краткосрочных курсах медсестер, а юношей на курсах шоферов. Все это во многом способствовало нашей быстрой и здоровой адаптации в военный коллектив действующей армии.

В полученном 2 июля 1943 года аттестате радовала запись о том, что я «на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3.9.1935 года пользуюсь правом поступления в высшую школу без вступительных экзаменов». Этим правом я воспользовался дважды.

Так в июле 1943 года в семнадцать мальчишеских лет закончился для меня первый период военного лихолетья, который принято называть гражданкой. Начался второй —

более сложный, более трудный, более ответственный.

Моя ратная служба началась в действующей армии в Сталинграде в августе 1943 года. Мы, сорок пять призывников Балашовского горвоенкомата, прибыли на огневую позицию одной из батарей артиллерийского дивизиона. Она была основной базой приема молодого пополнения для полка.

Нас распределили по подразделениям. Я стал рядовым приборного отделения (ПУАЗО) 8-й батареи (командир — старший лейтенант Жеребцов) 3-го дивизиона (командир — майор Канарейкин) зенитного артиллерийского полка (командир — подполковник Тихонов) Сталинградского корпусного района ПВО (командующий — генерал-майор Райнин).

На нас возлагалась задача прикрытия войск и коммуникаций и активная воздушная блокада окруженной группировки немецко-фашистских войск.

Первое боевое крещение мы получили уже в карантине. Батарея вела огонь сериями примерно час и не позволила немцам произвести прицельное бомбометание по огневой позиции и по аэродрому.

В этом бою мы, молодые солдаты, постигали некоторые «секреты». Над головой, на высоте (как нам потом рассказали) около двух тысяч метров летят звеньями немецкие стервятники и сыпят из «брюха» бомбы. Их отчетливо видно в то время, когда они только что отрываются от самолета и, кажется, что бомбы сейчас упадут прямо на твою голову. Но это оптический обман. Он усиливается в твоих ушах свистом, создающим стабилизаторами падающих бомб. Затем взлетают в небо поднятые взрывной волной глыбы земли, камней, бревен, деревьев, кустарников, металла и др. Оказывалось, что бомбы, падавшие, вроде бы, на наши головы, упали вдали.

А в небе появляются новые звенья воздушных стервятников, а на их пути возникают небольшие дымовые «комочки» и слышатся хлопки взрывов. Это разрывы снарядов наших зениток. Не будучи занятыми боевой работой и наблюдая за этой дуэлью, до боли в сердце хотелось, чтобы наши зенитчики «врезали» хотя бы одному-другому фашисту. Но, к сожалению, в день нашего «крещения» этого не случилось.

После команды «отбой» нам было приказано пополнить оружейный боекомплект со снарядного двора, который размещался в 150-ти метрах от боевых позиций. Так впервые мы узнали, что значит носить на плече 85-мм зенитный снаряд длиной около метра и весом более двенадцати килограммов. За пять-шесть ходок наши уши опухли и стали похожи на лапти, а на плечах появились синяки и ссадины.

Санструктор тут же подлечила наши болячки и посоветовала как избежать травм при переноске снарядов. А один из командиров рассказал, что налеты совершаются часто, днем и ночью. Мы поняли, что бомбардировки будут интенсивными, а борьба с воздушным противником — тяжелой.

Командование дивизиона и полка, видимо, серьезно обеспокоилось морально-психологическим состоянием новобранцев, находившихся в батарее во время отражения массированного авианалета. Спустя некоторое время на батарею прибыли командир дивизиона майор Канарейкин, его заместитель по политчасти капитан Емец, адъютант (начальник штаба дивизиона) старший лейтенант Сидоченко и представитель штаба полка в звании капитана. Они устроили нам строевой смотр. Посмотрели каждому из нас, как говорится, в глаза и душу. Поинтересовались семейным положением, образованием, партийностью, состоянием здоровья, качеством питания и выяснили, есть ли жалобы.

Встреча с командирами такого уровня буквально в первые же дни нашей службы серьезно ободрила нас. Майор Канарейкин очень популярно объяснил нам причины низкой эффективности зенитного огня: слабая выучка дальномерщиков, наводчиков орудий и ПУАЗО. От него мы впервые услышали стоимостное сравнение: «Каждый зенитный выстрел — это хромовые сапоги или годовая тонкорунная овца, или полугодовалый теленок. Транжирить это богатство — преступление перед нашим народом». Забегая вперед, скажу, что это высказывание майора Канарейкина стало в дивизионе, а может и в полку, девизом воинского обучения и воспитания. Не зря заряжающий одного из орудий, украинец ефрейтор Полторак каждый выстрел сопровождал словами: «Полытили чоботы, полытила вивця, полытив бычок». За это Полторак получил на батарее прозвище «Чобит».

Командир дивизиона поставил перед нами задачу: отлично знать материальную часть; мастерски владеть вверенным оружием и техникой; систематическими тренировками добиться по сигналу «Тревога» минутной готовности к стрельбе.

На другой день, явно по указанию полкового начальства, к нам прибыли пять

розовощеких, красивых девушек-военнослужащих. Они произвели на нас сильнейшее впечатление тем, что были очень опрятно одеты в хорошо подогнанное солдатское обмундирование. Имели короткую, аккуратную прическу. Обуты в до блеска начищенные кирзовые, но по размеру, сапоги. Гости в этот яркий солнечный день, выглядели красавицами, полными оптимизма. А мы, новобранцы, робко стояли перед ними в своем новом обмундировании, как мешки с соломой, перевязанные брезентовым ремнем и в обмотках, неумело намотанных над ботинками, сорок последнего размера и до самых колен.

Девушки были комсомольскими секретарями дивизионов полка. Они принесли нам газеты, брошюры и по одному экземпляру написанного от руки своего дивизионного боевого листка, а также иголки, нитки, подворотнички и носовые платки. Кстати, носовые платки, как и подушечные наволочки, изготавливали сами девушки из шелковых немецких парашютов (разного цвета), которые в изобилии попадали зенитчикам со сбрасываемыми немцами грузами для своих окруженных войск.

Они рассказали нам, что в каждой батарее на некоторых должностях санинструкторов, прибористов ПУАЗО, дальномерщиков, операторов станций орудийной наводки и радиолокаторов, радистов и телефонистов воюют девушки. Большинство из них по призыву, но есть и добровольцы. Образование у них, как правило, неоконченное высшее, а стаж военной службы — более года.

Девушки, уже зная о нашем распределении по дивизионам, работали со своими новобранцами. Они проверили у нас наличие и хранение комсомольских билетов и уплату комсомольских взносов. Поведали нам, что с прибытием на батарею и зачислением на довольствие питание будет осуществляться по первой норме и будут выдаваться наркомовские сто граммов. Оживленную улыбку и легкий смех вызвала у нас последняя информация о том, что получение у каптенармуса, хранение и выдача солдатам спиртного в каждом отделении и орудийном расчете поручается особо доверенному лицу.

Закончили с нами беседу комсомольские секретари точным повторением тех же требований, которые накануне сформулировал командир дивизиона майор Канарейкин: отлично знать материальную часть; мастерски владеть вверенным оружием и техникой; добиться минутной готовности к открытию огня по сигналу «Тревога».

Мне пришлось много учиться и тренироваться, чтобы по уровню знаний и практике работы на ПУАЗО сравняться с лучшими специалистами отделения. И лишь тогда, когда я этого достиг, только тогда я понял все значение сказанного командиром дивизиона и повторенного комсомольскими вожаками еще в карантине.

Все батареи нашего дивизиона часто меняли огневые позиции, нередко — под массированными бомбежками. Красноармейск, Советский, Гумрак, Беке товка, Сталинградская ГЭС — это основные районы, где мы били фашистов, прикрывая резервы и группировки наших войск, рокады, мосты, железнодорожные узлы, электростанции, аэродромы.

Перемещаясь ночью для занятия позиции в Гумраке, батарея попала под вражеский авианалет. Мы понесли, впервые в моей боевой службе, потери, в том числе — из личного состава нашего приборного отделения. Кроме того, половина наших прибористов и дальномерщиков, спасаясь от вражеских бомб в кюветах, были засыпаны глыбами земли, песка, щебня и получили контузии. Я свои синяки и шишки носил более недели. Болеть на фронте было не принято.

Прикрывая аэродром и ГЭС, мы тесно взаимодействовали с авиаторами, локаторщиками, прожектористами, аэростатчиками, постами воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). От мощного зенитного огня и эффективных воздушных боев наших летчиков немцы не только несли большие потери, но и теряли свое бывшее господство в воздухе.

Серьезные потери вынудили немцев все реже появляться в дневном небе и усиливать ночные бомбежки. Однако сплошная стена нашего заградительного огня и хорошее взаимодействие с прожектористами напрочь лишали фашистов прицельного бомбометания.

Высокий энтузиазм всего личного состава батареи вызвала удачная стрельба. Когда сбивали вражеский самолет, восторгу не было предела. И такое случалось много раз.

Так, командир второго орудия старший сержант Калинин и наводчик младший сержант Федосеев «распорядились» с Юнкерсом-87, шедшим прямо на батарею

бредущим полетом. Командир другого орудия сержант Метельский и наводчик младший сержант Горшков уничтожили «Фокке-Вульф» прямо в начальной точке пикирования на Сталинградскую ГЭС. Те же Калинин и Федосеев отличились в киевском небе. Их добычей стал тяжелый бомбардировщик Хейнкель-111, пытавшийся бомбить мост, но угодивший в воды Днепра.

При заградительном огне определить, какой именно орудийный расчет сбил самолет врага практически невозможно. Считалось, что это заслуга всей батареи, которая вела огонь. Но это и заслуга тех, с кем мы взаимодействовали. Поэтому наши командиры всегда находили время поблагодарить коллег за совместные усилия в борьбе с фашистами.

С образованием четырех Украинских фронтов наш полк вошел в состав 1-го Украинского фронта и участвовал во многих его операциях. Из многочисленных районов, где мы воевали и, к величайшей печали, несли большие потери, назову лишь некоторые: Кировоград, Белая Церковь, Киев, Казатин, Бердичев, Львов, Тернополь, Рава-Русская, Сандомир, Перемышль. Кратенько расскажу о тех, которые врезались в память навсегда.

Огневая позиция батареи под Киевом была в Дарнице. Мы прикрывали два понтонных моста через Днепр, крупный железнодорожный узел и исторический музей-заповедник Киево-Печерскую Лавру. Нашим соседом справа была такая же батарея, но другого полка, которой командовал старший лейтенант Громадин.

Взаимное знакомство офицеров двух батарей и кое-какая информация вызвали необходимость встречи нашего личного состава с Громадиным. И она состоялась, причем в очень счастливый день. Ночью батареи наших полков вели интенсивный заградительный огонь. Отражая эшелонированный налет гитлеровской авиации, зенитчики уничтожили около десятка вражеских самолетов. Это радовало всех. После того как мы пополнили боекомплект и выполнили работы по чистке канала стволов, в гости прибыли Громадин и комсомольский актив.

На встрече мы узнали, что он сын заместителя Наркома обороны СССР — командующего войсками ПВО страны генерал-полковника Громадина Михаила Степановича. Выпускник ЛАТУЗА. На фронте с начала войны. Коммунист.

В солдатской среде, еще до встречи, одни говорили, что при покровительстве отца, сынок мог бы войну пересидеть в высоких штабах. Другие считали, что собственная командирская честь и авторитет родителя дороже шкурных интересов.

Из рассказа самого Громадина мы, рядовые солдаты, дети самых простых рабочих и крестьян, уяснили, что защита Отечества — это действительно священный долг и обязанность каждого гражданина СССР. Особенно убедительно комбат подчеркнул, что независимо от того, какие должности занимают родители и какие они звания имеют, место каждого из их сыновей — фронт, что главная задача и основной их долг — бить врага. Громадин сказал, что знаком со многими ребятами, сыновьями высокопоставленных лиц, которые воевали или воюют с первых дней. Он назвал имена некоторых: Яков Джугашвили, Василий Сталин, Тимур Фрунзе, Рубен Ибаррури, Владимир Микоян и Степан Микоян, Леонид Хрущев и других.

Эта встреча стоила многих политбесед и политинформаций. Ее содержание широко использовалось в боевых листках во всех батареях нашего полка. Встреча сыграла важную роль в воспитании высоких морально-боевых качеств у воинов. Мы стали сплоченнее, дружнее и теплее относиться друг к другу.

Домыслы и догадки, появившиеся в последнее время в некоторых СМИ в отношении названных выше лиц, не должны опорочить и затмить главное. А главное, мне кажется, состоит в том, что все эти ребята были фронтовиками. А фронтовая действительность не выбирает, у кого какие корни родословной, кого казнить, а кого миловать.

В боях по освобождению Западной Украины и юго-восточных районов Польши наши войска встретили ожесточенное сопротивление немцев. И в небе над Германией батареи нашего полка громили фашистов. А День Победы мы встретили салютом в городке Гинденбург, вотчине бывшего президента Германии, одного из руководителей интервенции против Советской России.

Как ни странным может показаться, но Великая Отечественная война предопределила и всю дальнейшую мою судьбу как военного финансиста.

Финансы, как экономическая категория, в той мере, в какой они проявлялись в военной области, вообще, и в действующей армии, в частности, меня, как рядового солдата, а позже и командира отделения, затрагивали очень мало. Это было

обусловлено, главным образом, довольно узким кругом и объемом личных товарно-денежных отношений. Однако практическая деятельность финансовой службы полка касалась буквально каждого военнослужащего и этим вызывала не только известный интерес, но и внушала большое уважение.

В самом деле, трудно было себе представить, как фронтовой военный финансист, выступая, прежде всего, в роли солдата, готового вместе со всеми в критической ситуации идти в атаку, выполняет еще и такие обязанности, которые называются финансовым обеспечением. Он обязан организовать и осуществить лично, под руководством командира полка, получение денежных средств, их надежное хранение, транспортировку, охрану и оборону, выдачу каждому военнослужащему в боевых условиях в установленных размерах денежного довольствия, а при необходимости производить расходы и по другим статьям сметы. Но исключительно важным и ответственным делом для военного финансиста было оформление по поручениям военнослужащих денежных аттестатов на семьи и почтовых переводов.

Мой личный интерес к работе военного финансиста предопределил случай, который был связан с составлением некоторых первичных денежных документов. А дело было так. Мой красивый, каллиграфический в то время, почерк привлек внимание соответствующих командиров и мне нередко поручались работы писарского характера. Я, например, делал копии схем заградительного огня для командиров огневого взвода и взвода управления из подлинного экземпляра, которым располагал комбат. Писал под диктовку комбата боевые донесения командиру дивизиона и другие документы.

Однажды старшина батареи Литвинов поручил мне составить раздаточную ведомость на выплату денежного довольствия личному составу батареи. Он предупредил меня, что раздаточная ведомость — это документ финансовый и должен быть составлен аккуратно, без помарок и ошибок.

Особенно строго старшина указал мне на такую деталь. В раздаточной ведомости против фамилий раненых и больных военнослужащих, отправленных с батареи в военные госпитали, надо было указывать адрес этого лечебного учреждения. При отсутствии точного адреса следовало указывать любую известную на батарее информацию, помогавшую установить, где находится больной или раненый. Такими данными располагал батарейный санинструктор или медперсонал дивизиона, с которыми я должен был поддерживать контакты.

Позднее мне объяснили, что такая запись в раздаточной ведомости служила основанием для высылки денежных аттестатов военнослужащим. Это в моем сознании, как и в сознании других воинов, повышало значимость военного финансиста в судьбе каждого военнослужащего. А это всегда и всеми воспринималось уважительно и с великим одобрением.

Следует подчеркнуть, что обеспечение раненых и больных военнослужащих рядового и сержантского состава денежными аттестатами было трудно решаемой проблемой на всех фронтах. Но давать информацию в раздаточных ведомостях об этих военнослужащих официальными документами не предусматривалось. Поэтому случай, о котором сказано выше, был, на наш взгляд, разумной инициативой местных финансистов, заботившихся о полном и своевременном удовлетворении положенным денежным довольствием раненых и больных.

Мое прилежание к составлению ведомости старшине понравилось и эта работа стала чуть ли не прямой моей обязанностью.

Не скрою, причастность к этому делу мне очень нравилась, и я стал вроде консультанта у сослуживцев по кругу вопросов получаемого денежного довольствия, вознаграждений за сданные гильзы артиллерийских снарядов, сбитые самолеты и подбитые танки противника, обеспечения раненых и больных денежными аттестатами.

Со временем мне поручалась работа по составлению раздаточных ведомостей для всех батарей третьего дивизиона. Позднее я научился составлять платежные поручения для безналичных расчетов через Полевые учреждения Госбанка.

Новыми и интересными для меня фактами, работавшими, так сказать, на авторитет финансовой службы действующей армии были два-три случая, когда мне поручалось сопровождать, а следовательно, и охранять, казначея полка с денежными средствами.

С выходом подразделений нашего полка на территорию Польши и Германии личному составу выплачивалось денежное довольствие в инвалюте страны пребывания. Видимо, по этой причине выплату инвалюты срочным служащим производил лично казначей полка. Он прибыл в штаб дивизиона, где мне было приказано ожидать его.

Меня представил казначею командир взвода инструментальной разведки лейтенант Ищенко. Он же проинструктировал меня, показал маршрут нашего движения прямо на местности и поставил задачу: охрана и оборона казначея и денежных средств, которые у него находились в заплечном вещевом мешке. Оба мы, вооруженные автоматами, пешком отправились по батареям.

Наблюдая за работой казначея при выплате денежного довольствия, мне нравилась его обходительность в обращении с солдатами, точность и аккуратность в расчетах. Я обратил внимание на организацию, казалось бы, самой простой работы: распишись, получи и иди. У профессионала казначея это был своего рода ритуал. Выплата производилась в присутствии командира батареи. Солдат или сержант представлялся казначею. Тот находил его должность, звание, фамилию и инициалы в раздаточной ведомости; называл сумму к выдаче на руки; указывая, где следовало расписаться получателю; выдавал деньги, просил проверить, не отходя от кассы, и приглашал следующего получателя.

После выплаты казначей дал воинам разъяснения по правовым вопросам, касающимся налогообложения семей военнослужащих в сельской местности, что вызвало всеобщее удовлетворение и благожелательные отзывы. Память, к сожалению, очень мало сохранила информации об этом добром профессионале, высоко державшем планку авторитета финансовой службы, даже в трудных условиях военного времени. Мне запомнилось лишь то, что он сверхсрочнослужащий, зовут его Александром, что до войны работал бухгалтером.

На фронте мне не довелось встречаться с начальником финансового довольствия полка. Но впечатления от стиля работы казначея и те строгие требования старшины, которые я выполнял при составлении раздаточных ведомостей и других первичных финансовых документов, породили во мне желание стать военным финансистом, и я им стал.

Миллионами жизней заплатил советский народ за Победу в Великой Отечественной войне. В их числе и жизни многих моих сослуживцев — офицеров, сержантов и солдат восьмой батареи. Вечная им память.

Казалось бы, что величайший подвиг советского народа, его солдат и полководцев получит к эпохальной шестидесятой годовщине новое, широкое, уважительное и благодарное звучание. Мы, ветераны, ожидали этого и от литераторов, и от деятелей театра и кино, а особенно от электронных средств массовой информации.

Однако в последние годы все больше и больше ощущается морально-психологический прессинг на сознание и память людей, исповедующих точку зрения объективности и взвешенности в оценке нашей истории. Это не что иное, как интенсивный и циничный информационный террор против собственного народа. Славное прошлое Страны Советов рисуется исключительно в кроваво-черных тонах. Героический труд и ратный подвиг Советского народа принижается и высмеивается. В этом же ряду находится и неправдиво «обоснованная», так называемая монетизация реальных льгот ветеранам. Главная цель — вытравить из памяти народа то доброе, что было обеспечено при Советской власти. Некоторым деятелям и невдомек, что не все, ох как далеко не все, измеряется звоном монеты.

Мы с глубочайшей сердечной болью наблюдаем, что вместо идеи строительства социального государства получается дикий капитализм. Углубляется пропасть между бедностью и богатством. Старики лишаются положенных им льгот, а молодежь — бесплатного образования. Первичной чертой жизни миллионов людей стал коммунальный грабеж и недоступность нормальной медицинской помощи, варварское расхищение природных ресурсов, обнаглевшая преступность и терроризм. Мы воевали совсем не за это! Честь имею!